

DOI: 10.31696/S086919080039503-0

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДОБРОВОЛЬНОЙ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕС И СТРАН ЗАПАДНОЙ АФРИКИ¹

© 2026

И.А. ЗАХАРОВ ^a, С.А. ГОРОХОВ ^b^{a, b} – Институт Африки Российской академии наук, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru^b – ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru

Резюме: Европа и другие экономически развитые регионы мира, сталкиваясь с усилением миграционных потоков из развивающихся стран, предпринимают шаги по их ограничению. В настоящем исследовании эта проблема изучается с фокусом на добровольной возвратной миграции в условиях кризисного функционирования миграционной системы Западной Африка (страны-доноры) – Северная Африка (транзитные страны) – Европейский Союз (страны-реципиенты). Статья нацелена на определение правовых механизмов реализации данной политики, а также установление территориальной структуры возвратных миграционных потоков в государства Западной Африки. Результаты анализа международных соглашений и национальных миграционных стратегий демонстрируют, что развитие механизмов добровольной возвратной миграции через программы помощи в добровольном возвращении и реинтеграции (ПДВР), добровольного гуманитарного возвращения (ДГВ) и другие инициативы, реализуемые в государствах Западной Африки под эгидой Международной организации по миграции (МОМ) и при финансовой поддержке европейских стран, фактически являются инструментом экстернализации миграционной политики ЕС. Этот вывод подтверждается статистическими данными МОМ и Frontex за 2017–2024 гг., которые свидетельствуют, во-первых, о капсулизации миграционного кризиса в границах Западной Африки, во-вторых, о сильной связи между странами происхождения нелегальных мигрантов и территориальной структурой реализации программ добровольного возвращения, что указывает на условность «добровольного» характера возвратных миграций. Выявлено, что отдельные страны, занимающие ключевое положение в миграционной системе, получают большую поддержку со стороны МОМ. Авторы приходят к выводу о неадекватности подходов Европейского Союза к экстернализации миграционной политики, которая усиливает дезинтеграционные процессы в ЭКОВАС, приводя к ослаблению суверенитета западноафриканских государств и провоцируя социальные конфликты на национальном и локальном уровне. Подчеркивается, что сложившаяся ситуация может иметь негативные последствия и для Европейского Союза, поскольку дестабилизация общественно-политической ситуации способна спровоцировать усугубление миграционного кризиса в развивающихся регионах мира, капсулизация которого окажется невозможной.

Ключевые слова: добровольная возвратная миграция, экстернализация миграционной политики, капсулизация миграционного кризиса, миграционная система, Западная Африка, Европа

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123-П. <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

Для цитирования: Захаров И.А., Горохов С.А. Механизмы реализации добровольной возвратной миграции: взаимодействие ЕС и стран Западной Африки. *Восток (Oriens)*. 2026. № 5. С. 139–151. DOI: 10.31696/S086919080039503-0

MECHANISMS OF VOLUNTARY RETURN MIGRATION: THE EU'S ENGAGEMENT WITH WEST AFRICAN COUNTRIES²

© 2026

Ivan A. ZAKHAROV ^a, Stanislav A. GOROKHOV ^b

^{a, b} – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a – ORCID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru

^b – ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru

Abstract: Facing increasing migratory flows from developing countries, Europe is taking steps to curb them. This study examines this issue with a focus on voluntary return migration under the crisis-induced functioning of the West Africa (donor countries) – North Africa (transit countries) – European Union (recipient countries) migration system. The article aims to identify the legal mechanisms for implementing this policy and to determine the territorial structure of return migration flows to West African states. An analysis of international agreements and national migration strategies reveals that the development of voluntary return migration mechanisms implemented in West Africa effectively serves as a tool for the externalization of EU migration policy. IOM and Frontex statistical data indicate, firstly, the encapsulation of the migration crisis within West Africa's borders and secondly, a strong interconnection between the countries of origin of illegal migrants and the coverage of voluntary return program implementation, highlighting the conditional nature of the “voluntary” nature of these returns. Certain countries occupying a key position within the migration system receive greater support from the IOM. The authors conclude that the European Union's approaches to externalizing migration policy are short-sighted, as they exacerbate disintegration processes within ECOWAS, weaken the sovereignty of West African states, and provoke social conflicts at both the national and local levels. It is emphasized that this situation may ultimately have negative consequences for the EU as well, since the destabilization of the socio-political situation could aggravate the serious migration crisis in developing regions of the world, making its future encapsulation impossible.

Keywords: voluntary return migration, externalization of migration policy, encapsulation of migration crisis, migration system, West Africa, Europe

For citation: Zakharov I.A., Gorokhov S.A. Mechanisms of Voluntary Return Migration: The EU's Engagement with West African Countries. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 5. Pp. 139–151. DOI: 10.31696/S086919080039503-0

Интенсификация миграционных потоков между странами происхождения, транзита и назначения обуславливает необходимость согласования подходов к их трансграничному регулированию. Это представляется чрезвычайно сложной задачей в связи с часто наблюдаемыми противоречиями интересов стран, составляющих единую миграционную систему. Преодоление этой проблемы необходимо для того, чтобы трансграничные перемещения населения в пределах соответствующей миграционной системы могло дать значительные

² The research is supported by Russian Science Foundation under the grant № 22-18-00123-P. <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

социально-экономические выгоды. В частности, страны-реципиенты благодаря притоку мигрантов получают возможность восполнить дефицит рабочей силы и компенсировать низкий естественный прирост населения, обычно характерный для развитых государств [Абрамова, 2015]. Страны-доноры решают проблемы занятости и высокого социального напряжения, а также обеспечивают рост благосостояния за счет денежных переводов и повышения квалификации своих граждан. Страны-транзита развивают секторы экономики, связанные с удовлетворением потребностей временно прибывающих на их территории мигрантов, а также усиливают свои геополитические позиции [Горохов, Дмитриев, 2023]. Тем не менее такая идеалистическая картина – явление чрезвычайно редкое, поскольку интересы участников миграционной системы достаточно часто конфликтуют. Особенно ярко это проявляется в периоды миграционных кризисов, когда объем миграций и нагрузка на пограничные службы резко возрастает [*Трансграничные*, 2024], а на передний план в политической повестке выходят вопросы секьюритизации. В этой ситуации страны-реципиенты и транзита стремятся ограничить въезд мигрантов и обеспечить их возвращение в страны происхождения, из-за чего последние могут сталкиваться с капсулизацией миграционного кризиса, особенно в тех случаях, когда главным выталкивающим фактором миграций являются природные катаклизмы, военные столкновения и другие потрясения [Zakharov et al., 2024].

В настоящей статье рассматривается слабо изученная проблема реализации политики возвратной миграции в условиях кризисного функционирования миграционной системы Западная Африка (страны-доноры) – Северная Африка (транзитные страны) – Европейский союз (страны-реципиенты). Учитывая многоаспектность указанной проблемы, представляется необходимым ограничить объект исследования добровольными возвратными миграциями в западноафриканские страны, которые изучаются в правовом и пространственном аспектах. В связи с этим возникают две задачи: 1) определить правовые механизмы обеспечения добровольных возвратных миграций, 2) установить особенности территориальной структуры возвратных миграционных потоков, направленных в государства Западной Африки.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Решение первой задачи опирается на качественный анализ международных и национальных нормативных документов, позволивший выявить тенденции и факторы развития политики возвратной миграции в западноафриканские страны. Достижение второй задачи предполагает оценку масштабов возвратной миграции в Западную Африку, рассматриваемой в контексте миграционного обмена как внутри региона, так и с другими регионами. Основой для анализа выступает статистика МОМ, содержащая информацию о числе мигрантов, участвующих в программах помощи в добровольном возвращении и реинтеграции (ПДВР; Assisted voluntary return and reintegration) и добровольного гуманитарного возвращения (ДГВ; Voluntary humanitarian return)³. В связи с тем, что данные программы ориентированы в основном на нелегальных мигрантов [Teue, 2022], нами также привлекались данные Frontex, содержащие информацию о зафиксированных попытках нелегального пересечения границ государств⁴, входящих в рассматриваемую миграционную систему.

³ Данные программы подразумевают не только непосредственно добровольное возвращение мигрантов, но также консультирование и другие услуги, связанные с этой процедурой.

⁴ Эти данные хоть и не отражают общий объем нелегальной миграции, но позволяют выявить тренд в изменении ее масштабов.

Сопоставимые данные ограничиваются 2017–2024 гг., что определяет выбор временного периода для сравнительного анализа.

В определении содержания понятия «добровольные возвратные мигранты» авторы ориентируются на трактовку, предлагаемую МОМ, которая относит к этой категории людей, возвращающихся самостоятельно или при поддержке той или иной организации в страну происхождения, страну транзита или третью страну, на добровольной основе [Sironi et al., 2019, p. 225]. В контексте темы статьи, подразумевающей рассмотрение политического регулирования миграционных систем, нас интересует именно организованная форма добровольных возвратных миграций, которая может осуществляться государствами или международными организациями. Ключевым преимуществом добровольных возвратных миграций в масштабе рассматриваемой миграционной системы считается, во-первых, сокращение финансовых и временных издержек её политического регулирования; во-вторых, снижение рисков возникновения противоречий между государствами, ассоциирующихся с реализацией принудительных возвращений [Захаров, Агафшин, 2024]. При этом само понятие «добровольность» относится к статусу мигрантов *de jure*, хотя в действительности может носить характер «вынужденной добровольности» или «мягкого принуждения» [Aberman, 2022].

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПОЛИТИКИ ДОБРОВОЛЬНОЙ ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ

Политическое регулирование добровольной возвратной миграции в западноафриканские государства обеспечивается как национальным законодательством, так и международными договорами, конвенциями, а также соглашениями, заключенными по линии ЭКОВАС [Zakharov et al., 2024]. Среди последних особое значение имеет Протокол ЭКОВАС о свободном передвижении лиц, проживании и поселении 1979 г., существенно облегчающий миграционный обмен между странами группировки и призванный в конечном счете устранить барьеры для внутрирегиональных миграций, что, однако, не отменяет контроль государств за въездом и передвижением иностранных граждан по их территории. После выделения из ЭКОВАС Альянса государств Сахеля (АГС) имплементация Протокола сталкивается с определенными трудностями, однако сложившаяся региональная модель миграционного управления сохраняет свою жизнеспособность благодаря инерционности миграционных паттернов.

Страны Западной Африки активно вовлечены в международные инициативы в миграционной сфере. Так, подавляющее большинство западноафриканских государств подписали международные соглашения, инициированные ООН, призванные, с одной стороны, определить принципы регулирования миграционных потоков, с другой стороны, обеспечить защиту прав и свобод мигрантов. В 2006 г. западноафриканские страны присоединились к Рабатскому процессу, запущенному по инициативе ЕС в соответствии с его политикой на экстернализацию миграционной политики [Трансграничные, 2024]. Данный процесс играет ключевую роль в политическом регулировании рассматриваемой миграционной системы, определяя принципы взаимодействия стран происхождения, транзита и назначения мигрантов в соответствии с глобальными тенденциями в миграционной политике. Особенностью логики развития Рабатского процесса представляется, во-первых, усиление взаимодействия в рамках рассматриваемой миграционной системы, во-вторых, смещение подхода к регулированию миграционных процессов на локальный уровень, вплоть до взаимодействия «город–город» [Квашнин, 2020].

Регулирование собственно возвратной миграции отражено в Глобальном договоре ООН о безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции (ГДМ). Этот документ, принятый в

2018 г., можно считать первым всеобъемлющим межправительственным рамочным соглашением по вопросам миграции. ГДМ позиционируется, как основополагающий документ для реализации конкретных инициатив в сфере миграции, координирующая роль в которых принадлежит МОМ.

Страны, подписавшие ГДМ, обязались осуществлять «сотрудничество в целях обеспечения безопасного и достойного возвращения, а также реадмиссии и планомерной реинтеграции». Договор предусматривает совершенствование процедуры возвращения своих граждан при полном соблюдении их прав. Это, в свою очередь, подразумевает, во-первых, расширение базы соглашений о реадмиссии и обеспечение безопасности данной процедуры; во-вторых, сотрудничество в идентификации граждан и выдаче проездных документов; в-третьих, развитие национальных миграционных стратегий, инфраструктуры, а также финансирование соответствующих программ и проектов; в-четвертых, согласие на предоставление гарантий о том, что добровольные возвращения осуществляются при наличии «свободного, предварительного и осознанного согласия мигрантов»; в-пятых, переход к устойчивой реинтеграции возвращающихся мигрантов благодаря значительному расширению предоставляемых мер поддержки (п. 37) [Global, 2018]. Принципы, заложенные в ГДМ, нашли свое дальнейшее воплощение в Кадисской декларации 2022 г. [Cadiz, 2022], которая смещает внимание на развитие программ добровольной возвратной миграции, в том числе из транзитных стран, и устойчивой интеграции «возвращенцев».

Поскольку ГДМ не имеет обязательной юридической силы, важное значение в его продвижении занимают инструменты мягкой силы. В связи с этим возникла категория так называемых стран-чемпионов, которые, выступая в качестве ролевых моделей, берут на себя «повышенные обязательства» по выполнению положений договора, получая поддержку Сети ООН по вопросам миграции. Западная Африка особенно широко охвачена этой инициативой – из 16 африканских «стран-чемпионов» этот регион представляют 8 государств: Гамбия, Гана, Гвинея-Бисау, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне. Помимо консультативного сопровождения, эти страны получают финансирование через проекты, поддерживаемые Многосторонним целевым фондом по миграции (МЦФМ – the Migration Multi-Partner Trust Fund). Основными донорами бюджета⁵ этого фонда выступают страны ЕС и США [UN Network, 2026]. Только в 2025 г. МЦФМ начал финансирование проектов в регионе общей стоимостью 18,9 млн долл., которые были нацелены на обеспечение защиты границ и борьбу с трансграничной преступностью, поддержку мигрантов и принимающих сообществ, развитие миграционной политики и др. Еще 5,6 млн долл. было выделено транзитным странам рассматриваемой миграционной системы Марокко, Египту и Тунису на проекты, связанные с приемом мигрантов – обеспечение их трудоустройства, предоставление медицинских услуг [Migration, 2026].

Рассмотренные международные инициативы нашли свое отражение в разрабатываемых национальных миграционных стратегиях западноафриканских государств. Наибольший прогресс в этой сфере достигнут Нигерией. Еще в 2015 г. ею принята первая в регионе миграционная стратегия, направленная на расширение базы соглашений о реадмиссии для обеспечения как принудительной, так и добровольной возвратной миграции, а также продвижение механизмов реинтеграции. Отдельно выделяется задача по обеспечению контроля над трансграничными миграциями, осуществляемая при поддержке международных организаций. Акцентируется важность взаимодействия с высококвалифицированными представителями диаспоры для их возвращения в Нигерию или для реализации краткосрочных проектов [Federal, 2015, p. 40–45, 62]. В 2025 г. началась работа по её обновлению

⁵ В 2025 г. его объём составил 68,2 млн долл., из которых более 97% внесли Германия, Великобритания, США, Нидерланды, Дания, Франция и Норвегия. Целевое значение на 2026 г. составляет 100 млн долл.

при участии MOM в соответствии с положениями ГДМ. В обновленной версии стратегии подчеркивается, во-первых, необходимость создания эффективных устойчивых регулярных каналов добровольной возвратной миграции в страны происхождения, во-вторых, важность оказания адресной поддержки самим мигрантам, а также правительственным структурам и организациям для создания инфраструктуры, необходимой для обеспечения безопасного и достойного возвращения, устойчивой реинтеграции вернувшихся на родину нигерийцев [IOM Strategic, 2025, p. 24].

Аналогичные по своим задачам стратегии приняты и другими государствами Западной Африки; ограничимся их кратким обзором на примере ключевых стран в рамках рассматриваемой миграционной системы. Миграционная стратегия Нигера на 2020–2035 гг. предусматривала создание центров приема «возвращенцев» в приоритетных зонах, а также развитие программ реинтеграции и обеспечения занятости мигрантов [Republique, 2020]. Сенегалом утверждена Стратегия национальной борьбы с нелегальной миграцией на 2023–2033 гг., в которой очевидные из названия задачи дополняются обеспечением возвратной миграции и реинтеграции сенегальцев, вернувшихся на родину [Stratégie, 2023]. В принятой в 2021 г. Миграционной стратегии Гамбии перед страной ставится задача по возвращению своих граждан, для чего предлагается расширить пул международных соглашений о реадмиссии, а также развивать программы возвращения, особенно для высококвалифицированных гамбийцев [Gambia, 2021]. Миграционной политикой Ганы от 2016 г. также акцентируются международные обязательства этой страны по обеспечению возвратных миграций и реинтеграции, хотя в ней и не конкретизируются механизмы реализации соответствующих программ [National, 2016]. В 2025 г. в Буркина-Фасо обсуждалась новая Национальная стратегия трудовой миграции до 2029 г., призванная обеспечить эффективную реинтеграцию квалифицированных граждан страны [Sidwaya, 2025]. Пересмотр миграционной стратегии от 2014 г. был запущен и в Мали – в 2025 г. обсуждалась необходимость ее приведения в соответствие с национальными и международными нормативными рамками, а также дополнения с учетом новых миграционных вызовов [Communique, 2025]. В Либерии на 2025–2029 гг. принят Стратегический план по оптимизации управления миграционными потоками, в том числе возвратными [Liberia, 2025]. В Гвинее национальная миграционная стратегия была утверждена в 2021 г., однако в силу внутривнутриполитических событий [Mazzilli et al., 2022] ее имплементация была ограничена вплоть до 2023 г., когда при поддержке MOM была создана Национальная консультативная структура по вопросам миграции, ставящая своей целью управление миграционными процессами, в том числе возвратной миграцией [IOM Welcomes, 2023]. Единственная страна, занимающая важное место в миграционной системе Западной Африки, в которой миграционная стратегия находится на стадии разработки, – Кот-д’Ивуар, где этот процесс активизировался только с 2023 г. [Towards, 2023].

Примечательно, что изменения национальных миграционных стратегий западноафриканских государств, осуществляемые при прямом участии MOM, были инициированы европейскими странами и в большей степени отвечали интересам ЕС. Им же продвигались наднациональные инициативы в Африке. Так, программа защиты, возвращения и реинтеграции мигрантов в странах Африки южнее Сахары (2022–2025), охватывавшая 16 стран Африки, 12 из которых относились к изучаемому полигону, реализовывалась практически полностью за счет Евросоюза. При этом, хотя в перечень индикаторов для оценки эффективности программы входили качественные критерии, позволяющие оценить удовлетворенность мигрантов полученной помощью, приоритет, судя по всему, отдавался количественным показателям. Например, целевой показатель по числу добровольно возвращенных мигрантов зафиксирован на уровне 30 тыс. чел., а число бенефициаров программ реинтеграции должно было достигнуть 60 тыс.

В 2021 г. при участии европейских государств также была разработана Стратегия по добровольному возвращению и реинтеграции, опирающаяся на Новый пакт о миграции и убежище, принятый ЕС [Action, 2026]. В дальнейшем, следуя логике развития диалога Евросоюз – Африка, в программах, направленных на добровольное возвращение мигрантов, в экстернализации миграционной политики происходило смещение акцента на выстраивание двустороннего партнерства ЕС с ключевыми странами транзита и исхода мигрантов. Такой подход претерпел географическое расширение: если раньше ЕС стремился создать буферную зону из стран своей внешней периферии, которые должны были обеспечить фильтрацию иммиграционных потоков, то в настоящее время эта задача перекладывается на страны, находящиеся в значительном удалении от европейских границ. В этом отношении показательна описанная в [Morgunova, Moraru, 2025] ситуация Нигера, где с 2015 по 2023 г. действовал закон № 2015-36, введенный под давлением ЕС, который, не учитывая местной специфики миграционных паттернов, резко ограничивал нелегальную миграцию взамен на экономическую поддержку со стороны европейских стран.

Таким образом, современная миграционная политика стран Западной Африки, формально направленная на приведение национального законодательства в соответствие с ГДМ, сфокусирована на совершенствовании механизмов возвращения мигрантов и их реинтеграции на родине. В этой связи ключевую роль во взаимодействии между странами региона и ЕС в области миграции переходит от «традиционных» соглашений о реадмиссии к программам помощи по «добровольному гуманитарному возвращению мигрантов», которые фактически становятся инструментом экстернализации миграционной политики.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДОБРОВОЛЬНЫХ ВОЗВРАТНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ

Население Западной Африки характеризуется крайне высокой мобильностью, обусловленной экономическими и политическими факторами: среди первых особое значение имеет специфика хозяйственной деятельности⁶ [Arhin-Sam K. et al., 2022]; среди последних – описанная выше интеграция стран региона по линии ЭКОВАС и Рабатского процесса. В связи с этим большинство перемещенных лиц в Западной Африке происходят из стран этого же региона, а их количество с 1990 по 2024 г. увеличилось с 4,5 до 8,2 млн чел. В настоящее время они сконцентрированы в Кот-д’Ивуаре – 35,0%, Нигерии – 17,0%, Буркина-Фасо – 9,0%, Мали – 6,6%, Гане – 6,5% [International, 2025, p. 12].

Миграционный обмен между странами региона усиливается в кризисные периоды, обусловленными природными катаклизмами, прежде всего засухами, а также вооруженными конфликтами, активизацией террористических группировок, военными переворотами и другими потрясениями. Возникновение АГС в 2023 г. [Kipo-Sunyehzi, Lambon, 2025] ознаменовало ярко выраженные дезинтеграционные эффекты для стран Западной Африки, отразившиеся на миграционной ситуации в регионе. С одной стороны, изменились привычные маршруты миграций, в том числе из-за закрытия границ, с другой стороны, снизился контроль за нелегальной миграцией на территории Мали, Нигера и Буркина-Фасо, входящих в АГС [Morgunova, Moraru, 2025; Meza, 2024]. В результате в регионе наблюдался рост числа лиц, относящихся к числу вынужденных мигрантов – прежде всего беженцев. Имеющиеся данные свидетельствуют о кризисной ситуации: в 2025 г. их число превысило

⁶ Она достаточно тесно связана с зависящей от физико-географических условий культурой кочевых и полукочевых этносов, миграционные маршруты которых сохранились даже в условиях их искусственного разделения государственными границами, проведенными колонизаторами.

1 млн чел., из которых большая часть была сконцентрирована в Нигере (37,1%), Мали (27,5%) и Нигерии (13,0%) [UNHCR, 2025].

В условиях продолжающегося кризиса направление перемещения вынужденных мигрантов сменялось с интра- на интеррегиональное. Беженцы из обозначенных выше стран, аккумулирующих мигрантов, стремятся проникнуть в Европу, следуя Западноафриканским (Мавритания, Сенегал, Гамбия, Гвинея-Бисау – Канарские о-ва – Испания), Западно-Средиземноморским (Мавритания, Мали, Нигер, Буркина-Фасо, Кот-д’Ивуар – Марокко, Алжир – Испания) и Центрально-Средиземноморским маршрутами (Мали, Нигер – Ливия – Италия). Суммарно в 2017–2024 гг. ими воспользовалось чуть более 300 тыс. граждан региона, главным образом из Гвинеи, Мали, Кот-д’Ивуара и Сенегала, обеспечивавших около 70% объема нелегальной миграции из региона (табл. 1).

Таблица 1. Страны происхождения нелегальных мигрантов и бенефициаров программ MOM из Западной Африки, 2017–2024 гг.

Страна	Бенефициары программ MOM		Нелегальные мигранты	
	тыс. чел.	доля от региона, %	тыс. чел.	доля от региона, %
Гвинея	42,6	21,0	66,0	21,5
Мали	41,0	20,2	55,5	18,1
Нигерия	37,6	18,5	25,2	8,2
Кот-д’Ивуар	15,2	7,5	53,2	17,3
Нигер	12,2	6,0	0,9	0,3
Сенегал	11,5	5,7	44,8	14,6
Гамбия	11,0	5,4	26,5	8,6
Сьерра-Леоне	10,7	5,3	4,4	1,4
Буркина-Фасо	7,3	3,6	11,7	3,8
Гана	5,7	2,8	6,9	2,2
Либерия	3,6	1,8	1,3	0,4
Бенин	2,6	1,3	2,9	0,9
Гвинея-Бисау	1,4	0,7	1,7	0,6
Того	0,7	0,3	1,3	0,4
Мавритания	0,1	0,0	5,2	1,7
Кабо-Верде	0,0	0,0	0,0	0,0
Западная Африка	203,2	100,0	307,5	100,0

Составлено по: [IOM: Regional, 2024, p. 25; Frontex, 2026].

По данным Frontex, объемы и динамика численности зафиксированных нелегальных перемещений существенно отличалась по вышеуказанным маршрутам. Наиболее востребованным был Центрально-Средиземноморский, которым за 2017–2024 гг. воспользовалось 177,3 тыс. выходцев из стран Западной Африки, в основном из Кот-д’Ивуара (23,5%), Гвинеи (23,3%), Нигерии (13,9%), Мали (10,9%). Мощность Западноафриканского маршрута составила 79,5 тыс., большая часть которого обеспечена Сенегалом (40,7%) и Мали (28,7%). Средиземноморским маршрутом переместились 51,1 тыс. граждан стран региона, в том числе Гвинеи (33,6%), Мали (26,4%), Кот-д’Ивуара (15,3%), Гамбии (10,0%).

Принимаемые меры ЕС по ограничению нелегальной миграции оказываются достаточно эффективными, по крайней мере, число зафиксированных Frontex нелегальных пересечений границ ЕС гражданами стран Западной Африки за последний год существенно снизилось⁷. Если в 2017–2024 гг. в среднем ежегодно фиксировалось 38,4 тыс. нарушений, то в 2025 г. – только 23,9 тыс., то есть их число сократилось почти на 40%. При этом масштабное снижение наблюдалось практически повсеместно, например, для Кот-д’Ивуара оно составило 80,2%, Бенина, Либерии, Буркина-Фасо – более 70%, Гвинеи-Бисау, Сьерра-Леоне, Нигерии – более 60%, Ганы, Того, Гвинеи – более 50%, Гвинеи, Нигера, Гамбии, Мавритании – более 30%. Изменений не наблюдалось лишь в Сенегале, а рост числа нелегальных мигрантов был характерен только для Мали – 6% [Frontex, 2026].

Таким образом, благодаря усилиям ЕС, мигрантам из Западной Африки зачастую так и не удается проникнуть в Европу – подавляющее большинство из них оседает в Буркина-Фасо, Нигерии, Нигере, Мали и Мавритании, принявших по состоянию на 2022 г. почти 570 тыс. чел. Это способствовало капсулизации миграционного кризиса, которая понимается нами как процесс, приводящий к ограничению миграционных потоков вынужденных мигрантов внутри региона происхождения и транзита под влиянием внешних акторов.

Данная ситуация объясняется главным образом эффектом «бутылочного горлышка», при котором снижение пропускной способности маршрутов приводит к увеличению не только временных, но и финансовых затрат для мигрантов [Agafoshin et al., 2024]. Значительную роль в возникновении этого эффекта играют ограничения на пересечение границ беженцами, введенные транзитными странами, прежде всего североафриканскими. Значительный вклад в сдерживание потоков вынужденных мигрантов обеспечивается не только Frontex и его партнерами в Северной и Западной Африке, но и МОМ. Так, в 2017–2024 гг. более 200 тыс. мигрантов⁸ воспользовались программам по добровольному возвращению (ПДВР и ДГВ), которые были ориентированы главным образом именно на нелегальных мигрантов [Теуе, 2022]. Эти программы были наиболее востребованы у граждан Гвинеи (21,0%), Мали (20,2%), Нигерии (18,5%) и др. (табл. 1). Ключевыми странами транзита, из которых осуществлялся добровольный возврат мигрантов, являлись Нигер – 92,3 тыс., Ливия – 64,3 тыс., Марокко – 12,5 тыс., Алжир – 11,3 тыс., Тунис – 9,3 тыс. [IOM: Regional, 2024, p. 25], где расположены крупные лагеря беженцев и центры временного содержания нелегальных мигрантов. В этой связи добровольность участия в программах МОМ вызывает вопросы, поскольку в действительности большинство их «бенефициаров» фактически лишены возможности достигнуть ЕС.

Сравнение территориальной структуры происхождения нелегальных мигрантов и бенефициаров рассматриваемых программ (табл. 1) свидетельствует о том, что МОМ уделяет значительное внимание странам, из которых поток нелегальной миграции в среднем выше. Тем не менее в основе таргетирования программ ПДВР и ДГВ, судя по имеющимся данным, лежит не только объем нелегальной миграции, но и географическое положение стран в миграционной системе. Так, значительную поддержку получают граждане государств, выполняющих функции транзита и аккумуляции потоков интеррегиональной миграции, прежде всего Нигер и Нигерия. В то же время отдельные страны недостаточно охвачены программами МОМ, хотя занимают чрезвычайно важное место в формировании интеррегиональных миграционных потоков, например, Сенегал, Мавритания, Кот-д’Ивуар. Такое несоответствие можно объяснить использованием ЕС финансовой поддержки, оказываемой

⁷ Допускается, что эффективность работы этой организации оставалась неизменной.

⁸ После пересечения границ североафриканских государств большая часть мигрантов, судя по всему, Frontex относит к числу нелегальных и вынужденных мигрантов, хотя их же перемещения в пределах стран Западной Африки в большинстве случаев осуществлялось легально.

в рамках указанных программ, в качестве инструмента мягкой силы – большую поддержку получают страны, миграционное управление в которых отвечает интересам внешних акторов.

Вместе с этим, судя по проведенной нами детализации данных по потокам возвратных миграций за 2021–2024 гг., они носят в основном интрарегиональный характер: в это период на родину вернулось 87,7 тыс. чел., из них почти 58% – из стран Западной Африки, около 39% от общего объема добровольных возвратных мигрантов прибыли из транзитных государств, а из европейских стран, главным образом из Германии, – лишь 3% (рассчитано по: [IOM, 2021; IOM, 2022; IOM, 2023; IOM, 2024]).

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дестабилизация политической ситуации в Западной Африке способствует интенсификации масштабов перемещений в миграционной системе Западная Африка – Северная Африка – Европейский союз. Тем не менее большая часть мигрантов аккумулируется в странах-донорах миграционной системы, значительная их часть – в странах транзита и лишь небольшая доля от общего миграционного потока достигает ЕС. Ключевую роль в сдерживании миграций в пределах Западной Африки сыграли европейские страны, которые благодаря включению стран Африки в систему международных соглашений во возвратной миграции, смогли повлиять на изменение региональной модели миграционного управления в соответствии со своими интересами. Произошедшие сдвиги не приводили к реконфигурации миграционных маршрутов, однако обусловили капсулизацию миграционного кризиса, из-за возникновения эффекта «бутылочного горлышка» – скоплению мигрантов в странах их происхождения и транзита из-за снижения пропускной способности миграционных маршрутов [Agafoshin et al., 2024].

Представляется, что разрабатываемые ЕС программы возвратной миграции и реинтеграции в партнерстве с африканскими странами и МОМ, несмотря на апелляцию к интересам мигрантов, несут в себе риски дальнейшего усугубления миграционного кризиса в Западной Африке и других развивающихся регионах мира [Горохов и др., 2023]. Расширение программ добровольного возвращения, таких как ПДВР и ДГВ, привело к существенному росту эффективности фильтрации миграционных потоков в рамках рассматриваемой миграционной системы, но не смогло сократить масштабы миграционного кризиса в странах аккумуляции и транзита миграционных потоков. Конечными бенефициарами этих программ оказались страны ЕС, о чем свидетельствует признаки сокращения нелегальной миграции из Западной Африки, фиксируемые Frontex.

Тем не менее реализация данных программ, продвигаемых ЕС, имеют ряд долговременных негативных эффектов. На региональном уровне последние выражаются в дезинтеграционных процессах в ЭКОВАС, обусловленных растущим недовольством участием внешних акторов в изменении миграционной политики западноафриканских стран, которое оставляет без должного внимания региональные приоритеты развития. В связи с этим можно согласиться с мнением [Shenfeldt, 2018], что такое вмешательство выступает одним из ключевых факторов дестабилизации политической ситуации. Более того, тенденции развития миграционной политики, диктуемые логикой Рабатского процесса, практически полностью игнорируют специфику функционирования миграционной системы Западной Африки, прежде всего связанную с традиционными паттернами перемещения кочевых народов и этносов, искусственно разделенных государственными границами, установленными в колониальное время. Все это, а также секьюритизация миграционной политики сдерживает социально-экономическое развитие ЭКОВАС, ведь «когда нет

миграций, у всего региона проблема» (цит. представителя НКО в Ниамее по: [Zanker, 2024, p. 23]).

На национальном уровне к негативным эффектам продвигаемой политики возвратной миграции можно отнести ослабление суверенитета государств Западной Африки, которые вынуждены выполнять требования ЕС под угрозой лишения финансовой поддержки [Хахалкина, Погорельская, 2022]. Тем не менее обязанности по фильтрации миграционных потоков, ограничению нелегальной миграции, осуществлению возвратных миграций и реинтеграции своих граждан связаны с дополнительными издержками. При этом принимаемые меры, например, разработка миграционных стратегий, носящих зачастую декларативный характер, оборудование пропускных пунктов и ужесточение контроля за границами, вряд ли способствуют искоренению главных причин интеррегиональной нелегальной миграции, как это прописано в программных документах.

На локальном уровне приток возвратных мигрантов может приводить к возникновению конфликтов, связанных с нехваткой ресурсов и недостаточной проработкой инструментов реинтеграции. Эти проблемы усугубляются и на индивидуальном уровне, поскольку само по себе возвращение на родину чаще всего воспринимается как личная неудача. Более того, поскольку эмиграция редко организуется без финансовой поддержки общины, для многих «возвращенцев» и их семей остро встает проблема возврата долгов, что в большинстве случаев оказывается невозможным [Bisong, 2022].

Всё это усугубляет существующие в регионе социально-экономические и политические проблемы. В этих условиях любое потрясение в регионе, связанное с вооруженными конфликтами или природными катаклизмами, способно спровоцировать миграционный кризис в Западной Африке, масштабы которого могут быть настолько велики, что его капсулизация внутри региона окажется невозможной и он «выплеснется» за его пределы, прежде всего в ЕС. Такой риск связывается не только с высоким естественным приростом западноафриканского населения, но и с ограниченностью финансовых, юридических и организационных ресурсов ЕС, направляемых на сдерживание миграционных потоков и реализацию программ возвратных миграций.

Таким образом, ориентированность европейских государств на экстернализацию миграционной политики, в том числе через программы добровольного возвращения, несет в себе негативные эффекты не только для стран Западной Африки, но и в перспективе для самого ЕС. Для комплексного решения проблемы во главу угла следует поставить интересы наиболее уязвимых стран происхождения мигрантов. Тем не менее обеспечение действительно равноправного положения участников такого диалога – чрезвычайно сложная задача, требующая дополнительных исследований и поддержки международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES:

Абрамова И.О. Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2. С. 127–136 [Abramova I.O. African Trans-Border Migration and Problems of International Security. *Journal of the Institute for African Studies*. 2015. No. 2. Pp. 127–136 (in Russian)].

Горохов С.А., Агафшин М.М., Дмитриев Р.В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1. С. 50–62 [Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. Migrant Crisis in the East Africa Region. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 1. Pp. 50–62 (in Russian)].

Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Миграционная политика Албании: институциональные аспекты. *Современная Европа*. 2023. № 4. С. 77–88 [Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Migration Policy in Albania: Institutional Aspects. *Contemporary Europe*. 2023. No. 4. Pp. 77–88 (in Russian)].

Захаров И.А., Агафосин М.М. Политика убежища и контроля над нелегальной миграцией в Чехии. *Общественные науки и современность*. 2024. № 3. С. 110–123 [Zakharov I.A., Agafoshin M.M. The Asylum Policy and Illegal Migration Control in the Czech Republic. *Social Sciences and Contemporary World*. 2024. No. 3. Pp. 110–123 (in Russian)].

Квашнин Ю.Д. Европейские города как акторы миграционной политики. *Современная Европа*. 2020. № 7. С. 101–112 [Kvashnin Yu. European Cities as Migration Policy Actors. *Contemporary Europe*. 2020. No. 7. Pp. 101–112 (in Russian)].

Трансграничные перемещения населения: ограничения и перспективы международного регулирования в условиях миграционного кризиса. Под ред. С.А. Горохова. Москва: Институт Африки РАН, 2024 [Cross-Border Population Movements: Restrictions and Prospects of International Regulation in the Context of the Migration Crisis. S.A. Gorokhov (ed.) Moscow: Institute for African Studies RAS, 2024 (in Russian)].

Хахалкина Е.В., Погорельская А.М. Содействие развитию или управление миграцией? (анализ европейского подхода). *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. № 2. С. 80–89 [Khakhalkina E.V., Pogorelskaya A.M. Development Policy or Migration Management? (The EU Approach). *World Economy and International Relations*. 2022. No. 2. Pp. 80–89 (in Russian)].

Aberman T. Forced-Voluntary Return: An Intersectional Approach to Exploring “Voluntary” Return in Toronto, Canada. *Migration and Society*. 2022. No. 1. Pp. 13–28.

Action Document for “the Migrant Protection, Return and Reintegration Programme for Sub-Saharan Africa”. 2026. <https://clck.ru/3SYkiC> (accessed: 16.03.2026).

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Formation of a System of Temporary Accommodation Centers for Migrants in Transit Regions of Europe. *Geography and Natural Resources*. 2024. No. 4. Pp. 436–443.

Arhin-Sam K., Bisong A., Jegen L., Mounkaila H., Zanker F. The (In)formality of Mobility in the ECOWAS Region: The Paradoxes of Free Movement. *South African Journal of International Affairs*. 2022. No. 2. Pp. 187–205.

Bisong A. Return, Precarity and Vulnerability in West Africa: Evidence from Nigeria. *Migration in West Africa*. J.K. Teye (ed.) Springer, Cham, 2022. Pp. 221–236.

Cadiz Political Declaration. 6th Ministerial Conference of the Rabat Process. 2022. <https://clck.ru/3SYm2Z> (accessed: 16.03.2026).

Communique du Conseil des Ministres du Mercredi. 2025. <https://clck.ru/3SYkki> (accessed: 16.03.2026).

Federal Republic of Nigeria National Migration Policy. Abuja: International Organization for Migration, 2015.

Frontex. Directions of illegal border-crossings statistics. 2026. <https://clck.ru/3SYkkw> (accessed: 16.03.2026).

Gambia National Migration Policy: 2020–2030. 2021. <https://clck.ru/3SYkm6> (accessed: 16.03.2026).

Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. 2018. <https://clck.ru/3SYkva> (accessed: 16.03.2026).

International Migrant Stock 2024: Key facts and figures. Advance unedited version. Population Division UN DESA/POP/2024/DC/NO. 2025. <https://clck.ru/3SYkmR.pdf> (accessed: 16.03.2026).

IOM Strategic Plan for Nigeria 2025–2027. 2025. <https://clck.ru/3SYkn8> (accessed: 16.03.2026).

IOM Welcomes Guinea’s First Ever Migration Governance Framework. 2023. <https://clck.ru/3SYknS> (accessed: 16.03.2026).

IOM: Regional Mobility Mapping: West and Central Africa. 2024. <https://clck.ru/3SYkmf> (accessed: 16.03.2026).

IOM. Return and Reintegration Key Highlights 2020. Annexes. IOM: Geneva, 2021.

IOM. Return and reintegration key highlights 2021. Annexes IOM: Geneva, 2022.

IOM. Return and reintegration key highlights 2022. Annexes. IOM: Geneva, 2023.

- IOM. *Return and reintegration key highlights 2023. Annexes*. IOM: Geneva, 2024.
- Kipo-Sunyezhzi D.D., Lambon P.J. Military Coups in West Africa: An Analysis of the Formation of the Alliance of Sahel. *Africa Review*. 2025. No. 3. Pp. 237–250.
- Liberia Immigration Service Launches Five-Year Strategic Plan to Strengthen National Security and Migration Management. 2025. <https://clck.ru/3SYkno> (accessed: 16.03.2026).
- Mazzilli C., Binat Sarwar M., Hagen-Zanker J. *Migration-Relevant Policies in Guinea*. Oslo: Peace Research Institute, 2022. <https://clck.ru/3SYkoZ> (accessed: 16.03.2026).
- Meza B. *Migratory Movements Arising from Conflicts in the Sahel Countries*. 2024. <https://clck.ru/3SYkow> (accessed: 16.03.2026).
- Migration Multi-Partner Trust Fond. *Pipeline and Funded Joint Programmes*. 2026. <https://clck.ru/3SYkpd> (accessed: 16.03.2026).
- Morgunova O.A., Moraru N.-F. Migration Management in West Africa: The Role of the EU and Internal Risks for Countries in the Region – the Case of Niger. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2025. No. 1. Pp. 121–132.
- National Migration Policy for Ghana. 2016. <https://clck.ru/3SYkpp> (accessed 16.02.2026).
- Republique du Niger *Politique Nationale de la Migration, 2020-2035*. 2020. <https://clck.ru/3SYkq4> (accessed: 16.03.2026).
- Shenfeldt A. The European Development Response to the Refugee and Migration Crisis. *International Organisations Research Journal*. 2018. No. 4. Pp. 195–212.
- Sidwaya J.K. *Migration de Main D'œuvre: Une Stratégie Nationale en Cours de Validation*. 2025. <https://clck.ru/3SYkqK> (accessed: 16.03.2026).
- Sironi A., Bauloz C., Emmanuel M. *Glossary on Migration. International Migration Law No. 34*. IOM, Geneva, 2019.
- Stratégie Nationale de Lutte Contre la Migration Irrégulière*. 2023. <https://cilmi.gouv.sn/> (accessed: 16.03.2026).
- Teye J.K. Migration in West Africa: An Introduction. *Migration in West Africa*. J.K. Teye (ed.) Springer, Cham, 2022.
- Towards Stronger Migration Governance in Côte d'Ivoire*. 2023. <https://clck.ru/3SYkqg> (accessed: 16.03.2026).
- UN Network on Migration. 2026. <https://clck.ru/3SYkqt> (accessed: 16.03.2026).
- UNHCR. *Regional Bureau for West and Central Africa: Refugees and Asylum-Seekers*, 2025. <https://clck.ru/3SYkrW> (accessed: 16.03.2026).
- Zakharov I.A., Agafoshin M.M., Gorokhov S.A. Migration Crisis in West Africa: Limits and Prospects of Political Regulation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024. No. 4. Pp. 616–627.
- Zanker F. “When There is No Migration, the Whole Region Has a Problem”: The Political Priorities of Migration Policies in West Africa. *African Human Mobility Review*. 2024. Vol. 10. No. 2. Pp. 9–28. <https://eprints.ac.za/index.php/ahmr/article/view/2012> (accessed: 16.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЗАХАРОВ Иван Андреевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

ГОРОХОВ Станислав Анатольевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Ivan A. ZAKHAROV, PhD (Geography), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Stanislav A. GOROKHOV, DSc (Geography), Chief Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.